

чертами на протяжении всего средневековья. Эти лыжи были представлены двумя основными типами: I – с выраженной ступательной площадкой и II – без выраженной ступательной площадки. При этом различные типы лыж отражают не эволюционный процесс, а функциональные особенности: первые являются «беговыми (скоростными)», вторые – «промысловыми»¹².

В работе «Сухолпутные транспортные средства» идея взаимосвязи конструкции лыж с их функциональным назначением высказывается в более осторожной форме. «Очень заманчиво, – подчеркивали исследователи, – определить лыжи с высоко поднятой ступательной площадкой (тип I) как беговые, а лыжи II типа – как промысловые. Однако говорить об этом с полной уверенностью пока трудно»¹³.

В обобщающей работе по древнерусским средствам передвижения А.С. Хорошев отчасти возвращается к схеме О.В. Овсянникова и выделяет два типа лыж: архаичный и скоростной. Однако в отличие от схемы О.В. Овсянникова исследователь видит в них не функциональные, а эволюционные различия. «Архаичная лыжа», указывает А.С. Хорошев, обнаружена в слоях XI в., а скоростные лыжи современного типа – в слоях XIII–XIV вв.¹⁴ Правда, из приводимого текста неясно, чем отличается «архаичный вариант» лыж от скоростного: только тихоходностью или же еще неодинаковой длиной лыж. Судя по контексту, речь может идти и о так называемых непарных лыжах, ибо непосредственно перед этим автор называет «архаичными» непарные лыжи в Скандинавии, а вслед за тем говорит о том, что русские лыжники «уже с XIII в. использовали лыжи одинаковой длины (обе скользящие), чем достигалась быстрота передвижения»¹⁵. Однако, если исследователь имел в виду только тихоходность лыж, неясно, почему русские лыжники использовали парные лыжи только с XIII в. Кроме того, распределение «архаических» тихоходных и «скоростных» лыж, по А.С. Хорошеву, совершенно не соответствует типологии, предложенной О.В. Овсянниковым и В.Ф. Старковым. Ведь «архаичная» лыжа попадает у них в первый, скоростной тип (эта лыжа имеет ярко выраженную ступательную площадку), а часть «скоростных» лыж – наоборот, во второй (без ступательной площадки)¹⁶.

Как видим, существующие на сегодняшний день схемы по истории русских лыж довольно противоречивы. Они не только не проясняют вопроса об основных чертах средневековых русских лыж, но и не решают однозначно проблему о русском/нерусском происхождении парных лыж «скоростного» типа. Это связано, во-первых, с недостаточной широкой базой использованных источников (рассматриваются только материалы Руси и частично Скандинавии) и, во-вторых, с попытками разрешить указанные вопросы без опоры на этнографические источники, которые смогли бы оградить предложенные гипотезы от излишней субъективности.

Постараемся избежать указанных недостатков, прежде всего привлекая достаточно обширную группу этнографических источников, включающую публикации в литературе XVIII – первой трети XX в., музейные коллекции (Российского этнографического музея, Архангельского областного краеведческого музея, Новгородского государственного объединенного музея-заповедника и некоторых других), а также полевые материалы, собранные автором в ходе экспедиций в Новгородскую, Архангельскую области и Ненецкий автономный округ¹⁷.

Начнем с решения вопроса о характерных типах лыж у русских. Для этого обратимся к мировому опыту интерпретации материалов по лыжам. Так, шведский ученый А. Обхользер, используя в качестве главного признака конструкцию ступательных площадок, а также способы присоединения к ним креплений, выделил три основных типа лыж: 1) «восточносибирский» – со ступательной площадкой в виде утолщения лыжной пластины, пазы для креплений в которых сделаны наклонно; 2) «западносибирский» – лыжи имеют высокие ступательные площадки с одним или двумя пазами для креплений; 3) «южный» – ступательная площадка вырезана в толще пластины и ограничена бортиками, в которых находятся пазы для креплений¹⁸.

Основываясь на тех же признаках, К.Б. Виклунд выделил два основных типа примитивных лыж: «южный», с выдолбленными ступательными площадками, и «север-

ный», который прикрепляется к ногам при помощи петель, пропущенных сквозь отверстия в толще самой лыжи¹⁹.

Шведы А. Цеттерстен и О. Сван вводят в качестве дополнительных признаков наличие меховой обшивки и размеры правой и левой лыж, в результате чего выделяют три типа последних. Первым является уже упоминавшийся «южный» тип, представляющий собой подшитые лыжи с выдолбленным подножием. Второй назван «северным» и имеет вертикальные отверстия для креплений и немного выгнутую верхнюю плоскость лыжных пластин. Третий тип выделен впервые – это так называемые непарные лыжи²⁰.

Наконец, еще одна типология лыж с использованием таких признаков, как выгнутость, длина и ширина, наличие обшивки лыж и, в меньшей мере, конструкция подножий и креплений, предложена В.В. Антроповой и в коллективном труде «Историко-этнографический атлас Сибири»²¹.

На мой взгляд, каждая из этих классификаций имеет много достоинств, поскольку построена на объективных показателях. Вместе с тем в них есть и ряд слабых мест. Так, зарубежные классификации страдают прежде всего концептуальной предопределенностью, из-за чего выделяемые типы лыж называются «северными», «южными», «западносибирскими», «восточносибирскими» и т.д. Как совершенно справедливо указывали в своей работе О.В. Овсянников и В.Ф. Старков, «вряд ли можно согласиться с четким распределением тех или иных типов лыж по отдельным географическим регионам»²². Как будет показано ниже, конкретные материалы дают куда больший разброс, чем это вытекает из предложенных наименований типов лыж. Далее, большинство классификаций рассматривает только одну типологическую группу лыж – так называемые парные. Лишь классификация Цеттерстена – Свана учитывает две группы, правда, нарушая при этом принцип иерархии: «непарные» лыжи рассматриваются исследователями как таксономически равные «южному» и «северному» типам парных лыж. Наконец, некоторые исследователи чрезмерно жестко связывают тот или иной тип лыж с рядом дополнительных признаков: наличием или отсутствием меховой обшивки и т.п.

Что касается отечественных классификаций, то, несмотря на куда больший по сравнению с зарубежными учет классификационных признаков, они страдают отсутствием строгой иерархии последних, т.е. как раз тем, чем сильны зарубежные систематизации.

Представляется, что все «скользящие» (точнее было бы назвать их «ступательнскользящими») лыжи следует разделить на две подгруппы: так называемые непарные (одна толчковая, другая скользящая) и парные лыжи. В свою очередь каждую из этих групп и подгрупп можно разделить на типы, подтипы и варианты. Правда, в силу того что у нас нет никаких данных об использовании русскими ни в средние века, ни позднее непарных лыж, в работе рассматриваются только парные лыжи²³.

Итак, используя в качестве основы перечисленные выше классификации, при рассмотрении материалов по лыжам следует признать в качестве главных признаков способ присоединения креплений, а также конструкцию ступательных площадок. Первый из них – основополагающий, второй дополняет его. Согласно имеющимся материалам, существуют два основных способа присоединения креплений к лыжам: А – с горизонтальными, Б – с вертикальными пазами в толще лыжной пластины (возможен и третий, переходный способ крепления, но он встречается эпизодически). Именно из этой характеристики вытекают другие, тоже очень важные признаки конструкции лыж. Горизонтальные отверстия для крепежных ремней требуют большей толщины ступательных площадок (за исключением лыж с выдолбленными ступательными площадками) по сравнению с подножиями в лыжах с вертикальными отверстиями. Утолщение подножия в свою очередь приводит к образованию ярко выраженной ступательной площадки. В этом мы убедимся при рассмотрении конкретных материалов²⁴.

Среди лыж группы А – с горизонтальными пазами для креплений – можно выделить два основных и один промежуточный тип (рис. 1). К основным относятся лыжи с «выдолбленными» ступательными площадками (подножиями) и лыжи с выраженными

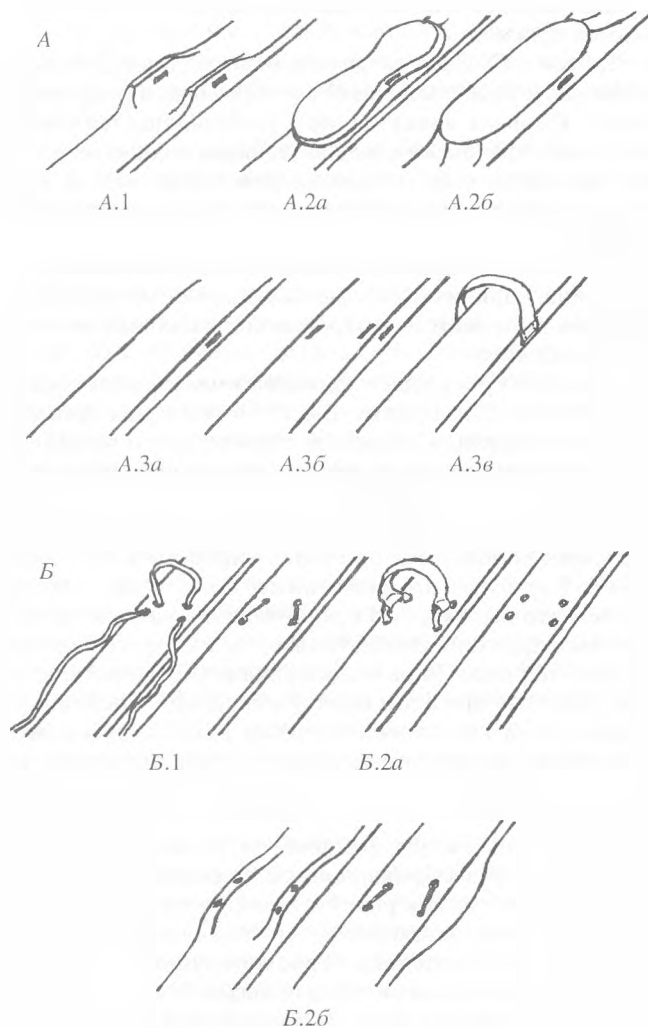

Рис. 1. Типы лыж: А – лыжи с горизонтальными пазами для креплений: тип А.1 – лыжи с выдолбленными ступательными площадками; тип А.2 – лыжи с выраженными ступательными площадками (подтипы: А.2а – со ступательными площадками в форме ступни, А.2б – прямоугольной формы); тип А.3 – лыжи без выраженных ступательных площадок (подтипы: А.3а – с пазами для креплений, проходящими в боковых плоскостях лыж, А.3б – в боковых и верхних плоскостях лыж, А.3в – без пазов: крепления прибиты к боковым плоскостям лыж). Б – лыжи с вертикальными пазами для креплений: Б.1 – «классический» тип; Б.2 – «ложный» тип (подтипы: Б.2а – при помощи дужек, Б.2б – с помощью отверстий в бортах-закрайках лыж)

ступательными площадками; к промежуточному – лыжи со слабо выраженными ступательными площадками. Лыжи с ярко выраженными подножиями делятся на подтипы: а – с подножиями, ширина которых меньше ширины лыжи; б – с подножиями, равными ширине лыжи. Среди лыж группы Б – с вертикальными пазами для креплений – можно выделить два типа: «классический» и «ложный».

Итак, какими типологическими характеристиками обладали русские средневековые лыжи? Материалы, обнаруженные на «материнской» территории Русского государства – в Восточной Европе, дают нам только одну типологическую группу: *лыжи с горизонтальными пазами для креплений* (группа А).

Рис. 2. «Езда на санях и лыжах в России» (фрагмент) (по: Герберштейн С. Записки о московитских делах. М., 1908. Рис. на с. 239)

Часть находок относилась к типу с «выдолбленными» подножиями (тип А.1). Два целых экземпляра новгородских лыж этого типа относятся к XIII в. Длина одной из них составляет 192, другой – 166 см при ширине соответственно 12 и 10 см. Толщина первой лыжи в середине составляет 1,5; второй – 1 см. Колодка для крепления ноги (при помощи поперечного ремня шириной около 2 см) в обоих случаях располагается не в середине лыжи, а сдвинута вперед (на первой лыже она располагается в 75 см от головки). Высота «бортов»-закраин колодки составляет около 3 см. Нижняя поверхность лыж гладкая, без направляющего желоба. Каких-либо следов обшивки нет²⁵.

Московская лыжа относится к XVI в. В отличие от новгородских находок она неполная (длина фрагмента составляет около 60 см). Правда, исследовавший лыжу М.Г. Рабинович считает ее почти целой, ссылаясь на письменные сообщения некоторых иностранных авторов (прежде всего С. Герберштейна), которые определяли длину лыж в 2 локтя²⁶. С подобной реконструкцией нельзя согласиться, поскольку ступательная площадка в обнаруженном экземпляре находится в задней половине сохранившегося фрагмента. Даже если предположить, что она находилась в центре лыжи, все равно будет не хватать значительного фрагмента задней части. А принимая во внимание тот факт, что подножия в целых археологических лыжах подобного типа всегда смещены вперед (в новгородских и мангазейских материалах, в лыже из Рийхиямки), что полностью совпадает и с этнографическими материалами (по словам информаторов, это делалось для того, «чтобы удобнее ходить»)²⁷, мы с достаточной долей уверенности можем говорить о том, что длина московской лыжи была значительно больше 2 локтей.

Помимо археологических находок имеются письменные и изобразительные свидетельства бытования подобного типа лыж в средневековой Руси. Как указал в своем исследовании И. Маннинен, лыжи с выдолбленным подножием видел Бранд на московском рынке в 1673 г.²⁸ Изобразительные материалы представлены гравюрой с изображениями лыжников в немецком издании путешествия С. Герберштейна (начало XVII в.), выпущенного самим автором (рис. 2)²⁹.

Другая часть восточноевропейских русских средневековых лыж относилась к типу с выраженными ступательными площадками (тип А.2). Самыми ранними в Восточной Европе являются лыжи VIII – IX вв. н.э. из Старой Ладogi. Одна из них имела отверстия для крепления меховой обшивки, т.е. была обшитой, у другой таких следов

не было (к тому же на нижней поверхности имелись два продольных желобка, правда, сходящихся у концов лыжи). Это позволяет предположить, что она не имела обшивки, т.е. была «голицей». Несмотря на сомнения в славянской принадлежности этих находок, они имеют огромное значение для характеристики истории лыж Восточной Европы³⁰.

Две новгородские находки этого типа датируются XIV в. Сохранившаяся часть одной из них имела длину 160 и ширину 9,5 (на чертеже 10) см, другой – соответственно 153 и 12 (на чертеже 12,5) см. По мнению Б.А. Колчина, общая длина первой лыжи достигала 190 см, второй – превышала 2 м³¹. Обе находки относились к лыжам-голицам, поскольку на нижней поверхности у них имелся продольный направляющий желобок. Толщина полоза первой лыжи равнялась 1, второй – 1,2 см. Колодка у первой лыжи имела длину около 60, ширину 6,2 и высоту (включая толщину полоза) 3 см. Размеры второй – соответственно 37: 8,5 и 4 см. Поэтому обе находки относятся к подтипу *A.2a* (с подножиями, ширина которых меньше ширины лыжи).

Сравнивая новгородские лыжи со старолadoжскими находками, можно указать на ряд сходных черт тех и других. Во-первых, они имеют сходные размеры: первая лыжа из Старой Ладogi имела длину 178,8, вторая – 181,5 см (у второй конец лыжи немного обломан). Во-вторых, старолadoжские находки имеют сходные с новгородскими параметры ступательных площадок: ширина их подножий также значительно уже ширины лыж (у первой она составляет 5,8, у второй – 7 см), т.е. они тоже относятся к подтипу *A.2a*. Различия сводятся к более широкому и тонкому по сравнению с новгородскими полозу лыж из Старой Ладogi (ширина обеих лыж равняется 13 см при толщине полоза 0,7 см), а также к наличию, по крайней мере на одном старолadoжском экземпляре, меховой обшивки³². На мой взгляд, более тонкие полозья старолadoжских находок свидетельствуют о существовании здесь традиции обшивания лыж (меховая подшивка укрепляла лыжи и позволяла делать более тонкой деревянную основу), чего мы не видим в новгородских (включая обломки головок лыж) и московских материалах.

Значительно более сложную картину дают материалы XVI–XVII вв. из Мангазеи. По мнению О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова, мангазейские находки очень близки новгородским. Они считают, что «по существу к этим же типам» относятся «почти все мангазейские лыжи». Самое же крупное отличие первых от вторых они видят в том, что подножия у мангазейских лыж более сильно по сравнению с новгородскими сдвинуты к головкам, что, несомненно, улучшало ходовые качества³³. На мой взгляд, различия между восточноевропейскими и сибирскими материалами куда более серьезны.

В отличие от Восточной Европы в Сибири встречаются лыжи не только с горизонтальными пазами для креплений (типологическая группа А), но и с вертикальными (группа Б). Группа А представлена двумя подтипами лыж с выраженной ступательной площадкой. Первый из них (*A.2a* – по нашей классификации, I-A – по Овсянникову – Старкову) составляют лыжи, имеющие подножия, ширина которых меньше ширины лыж в этом месте. Несмотря на ряд сходств с восточноевропейскими материалами, мангазейские лыжи указанного подтипа значительно отличаются от них. Особенность сибирского варианта таких лыж состоит в том, что, во-первых, они имеют сравнительно небольшую длину (не более 150–160 см) при значительной ширине (17–22 см); во-вторых, подножия мангазейских лыж имеют обтекаемую форму и очень высоко подняты над плоскостью лыжной пластины, за счет того что имеют узкое основание, расширяющееся кверху³⁴.

Второй подтип (*A.2b* – по нашей классификации, I-B – по Овсянникову – Старкову) представляют лыжи с «длинной и широкой», сравнительно невысокой ступательной площадкой. Длина лыж колебалась от 152 до 207,5 см при ширине от 14,5 до 20 см. Среди лыж этой группы встречаются подшитые мехом и голицы³⁵. Этот подтип в наибольшей мере сходен с восточноевропейскими материалами; различия касаются второстепенных деталей: мангазейские лыжи имеют несколько большую ширину и обшивку на некоторых экземплярах.

Лыжи типологической группы Б (с вертикальными пазами для креплений) представлены в Мангазее двумя типами. Первый из них (тип Б.1) представляют находки, ступательные площадки в которых конструктивно не выделяются на плоскости лыж. Длина их составляет от 138,5 до 200 см, ширина – от 15 до 20 см³⁶. Подобный тип лыж имеет массу аналогов как в этнографических, так и в археологических материалах (об этом см. ниже).

Другой тип уникален – в таком виде он не встречается более нигде. В то же время по размерам и конструкции подножий он чрезвычайно близок лыжам с так называемыми выдолбленными подножиями. Длина найденных экземпляров составляла 160–230, ширина – 15,5–17,5 см. Единственное их отличие от восточноевропейских лыж этого типа в том, что пазы для креплений в мангазейских находках просверлены не горизонтально, а вертикально (сверху вниз) в толще бортиков-закраин³⁷. На мой взгляд, лыжи этого типа – результат симбиоза (взаимоналожения) древнерусских лыж с выдолбленными ступательными площадками, имеющих горизонтальные пазы для креплений, и лыж с вертикальными пазами для креплений (см. подтип Б. 2б на рис. 1). Основанием для подобного вывода является отсутствие аналогов подобных лыж в других регионах, а также одна из мангазейских находок этого типа, отличавшаяся от других экземпляров тем, что одно из отверстий креплений было сделано вертикально, «а другое вырезано наклонно, поэтому на нижнюю плоскость лыжи оно не выходит»³⁸.

Таковы средневековые материалы (XI–XVII вв.) по русским лыжам. Сведения о лыжах XVIII в. более фрагментарны и представлены в основном сибирскими материалами. Подробное описание лыж восточносибирских (баргузинских) промысловиков имеется в труде С.П. Крашенинникова: «Лыжи делаются еловыя на подобие обыкновенных лыж, длиною в 2 аршина, а шириною напереди в 5, а назад в 6 вершков; с переди они кругловаты с сухоносами, то есть острыми и ускими кончиками, а назад остры: с исподи подклеивают их камасами или кожею с лосинных или оленьих ног, чтобы лыжи были катчае, а при всходе на гору назад не отдавались. На верхней стороне по середине лыж выделяются из тогож дерева падласы, то есть места, где ногам стоять, вышиною в полвершка, и покрываются берестою, чтоб к ним не приставал снег. Напереди оных падласов продеваются кухтоны, или деревянные пугла, и привязываются к падласам ремнями, а по их названию оттугами, чтоб они крепко стояли. Да напереди ж у падласов продеваются иные ремни называемые юксы, которые на пяты надеваются. От сухоносов к падласам притягиваются ремни ж, а по их подъеме, которыми передние концы у лыж кверху поднимаются»³⁹. Очевидно, что перед нами обшитые лыжи с выраженными ступательными площадками (тип А.2), сходные с мангазейскими материалами. Главное отличие этих лыж от восточноевропейских – в размерах: они значительно короче и шире последних.

Этнографические материалы лишь немного не достигают верхней границы средневековья. Несмотря на это обстоятельство, они довольно естественно вписываются в рамки той «лыжной культуры», которые вырисовываются в XVII в., что свидетельствует о существовании четкой преемственности между лыжами этих столетий. Как и в позднем средневековье, у русских в XIX–XX вв. продолжают употребляться лыжи обеих типологических групп А и Б.

Лыжи с горизонтальными пазами для креплений (группа А) были представлены в это время двумя основными типами (лыжи с «выдолбленными» подножиями – тип А.1 и с выраженными ступательными площадками – тип А.2) и переходным типом (лыжи без выраженных ступательных площадок – тип А.3).

Лыжи типа А.1 были распространены почти на всей территории проживания русских за исключением пригундровых районов Европейского Севера и Сибири⁴⁰. Как правило, они относились к так называемым лыжам-голицам. Длина их составляла 190–215, ширина – 11,5–15 см (в Сибири бытовали и более короткие экземпляры). При этом нередко ширина лыж постепенно уменьшалась к концам. Задние концы могли быть прямыми или закругленными. В носах некоторых лыж имелись отверстия. Подобные лыжи не имели прогиба в середине, а верхние и нижние плоскости их были прямыми

или немного выпуклыми. Направляющих желобков на нижней поверхности не было. Высота загиба носка колебалась от 9 до 26 см, а угол загиба – от 30 до 50° (рис. 3). Толщина ступательных площадок составляла обычно около 1,5 см, у концов они были потоньше⁴¹. Высота бортов-закраин равнялась 1,5–2 см⁴².

Тип А.2 сосуществовал с первым типом. Лыжи второго типа употреблялись как в виде голиц, так и подшивались. Как правило, они имели длину 170–240 см⁴³, ширину в месте ступательной площадки – 11–15 см⁴⁴. Ширина лыж иногда была неодинаковой: сужалась у задка лыжи или у обеих концов на 0,5–1 см⁴⁵. Толщина лыж в месте постановки ноги равнялась от 2 до 4 см при толщине концов 1–1,5 см. На подножие прибывалась береста или мех размером 33–40 × 9–11 см. Некоторые лыжи имели ребро жесткости⁴⁶ и узкий желоб на нижней поверхности (в Приморском р-не Архангельской обл. – даже два желоба)⁴⁷. Высота загиба носка составляла от 10 до 30 см при загибе от 30 до 85°. Одна пара лыж имела носки, заостренные только с одной, внешней стороны лыжи⁴⁸. Эта особенность конструкции связана с использованием их в качестве волокуши⁴⁹. Задние концы имеют П-образную, округлую или фигурную форму (рис. 4). Многие лыжи этого типа имеют выгиб в середине, а некоторые – и немного загнутый вверх задний конец⁵⁰.

Подножия у лыж этого типа находились, как правило, примерно на середине лыжи. На некоторых экземплярах наблюдается смещение: у одних вперед⁵¹, у других назад⁵², что, конечно, влияло, на технику передвижения. Лыжи со смещенными назад подножиями более скоростные, на что указывают и другие конструктивные особенности (выгиб в середине лыжи и наличие направляющего желобка на нижней поверхности). Аналогично устроены и современные беговые лыжи за исключением разве только ширины. Сложность конструкции последних лыж позволяет говорить о более позднем их происхождении по сравнению с остальными.

В зависимости от конструкции подножий лыжи с выраженными ступательными площадками делились на два подтипа: А.2а – с подножиями, ширина которых меньше ширины лыжи; А.2б – с подножиями, равными ширине лыжи. При этом разница ширины подножия и лыжи была, как правило, незначительной⁵³. Наконец, в зависимости от формы ступательных площадок выделяются три основных варианта: а) прямоугольные, б) овальные и в) фигурные (подножия, повторяющие форму ступни). Наиболее распространенными у русских были первый и второй варианты.

Лыжи типа А.3 встречаются в различных регионах проживания русских эпизодически. Автором зафиксированы два подтипа этих лыж: А.3а – с отверстиями, проходящими одновременно в боковых и верхних плоскостях⁵⁴, и А.3в – без отверстий (ремень крепления прибит к боковым плоскостям)⁵⁵. В перспективе вероятно открытие и еще одного подтипа: А.3б – с пазами, проходящими в боковых плоскостях). Лыжи без выраженных ступательных площадок могли быть как голицами, так и подшитыми. В месте подножия для предотвращения скольжения ноги обычно прибывался кусок бересты или меха. Измеренные экземпляры имели длину 190–200 см при ширине 11–13 см, которая уменьшалась у некоторых лыж к концам до 0,5 см. Толщина их в месте постановки ноги колебалась от 1,5 до 3 см, плавно утончаясь к носкам и задкам лыж до 0,9–1,5 см. Встреченные экземпляры были прямыми или имели выгиб в середине. У лыж-голиц нижние плоскости зачастую не имели направляющих желобков, а верхние были прямыми, выпуклыми или имели ребро жесткости.

Лыжи другой типологической группы – с вертикальными пазами для креплений (группа Б) в XIX–XX вв. встречались у русских в северо-восточной части Европейского Севера, севернее ареала распространения лыж с выдолбленными подножиями, а также в ряде районов Сибири. Они представлены двумя типами: «классическим» (тип Б.1), где отверстия служат для пропускания ремней креплений, и «ложным» (тип Б.2).

Тип Б.1 распространен по всему ареалу бытования лыж этой типологической группы. Большая часть таких лыж имела меховую обшивку. Длина измеренных экземпляров составляла 176–213, ширина – 13–14,5 см. Толщина одних лыж в месте постановки ноги составляла 2,5–3 см, затем постепенно утончалась к концам до 0,8–1,2 см, у

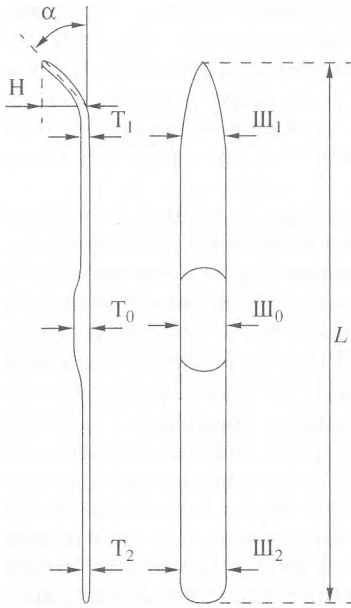

Рис. 3

Рис. 3. Схема основных параметров лыж: L – длина лыжи; Ш – ширина лыжи: Ш_1 – у носка, Ш_0 – в районе ступательной площадки, Ш_2 – у задка; H – высота загиба носка лыжи; (α – угол загиба носка лыжи); T – толщина лыжи: T_1 – у носка, T_0 – в районе ступательной площадки, T_2 – у задка

Рис. 4. Форма конструкций задков лыж: a – прямоугольная; b – овальная; $в$ – фигурная

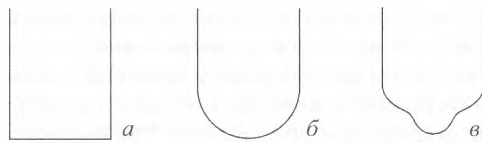

Рис. 4

других была одинаковой по всей длине лыжи и составляла 1–1,5 см⁵⁶. Высота загибов носков лыж равнялась 7,5–12 см. Задние концы были округлыми или имели треугольную форму. Две пары отверстий, служащих для привязывания ремней креплений, проветривались посередине лыж или были немного смещены к задней части.

Тип Б.2 встречается локально, на юге Западной Сибири. Экземпляр, хранящийся в Российском этнографическом музее (из Тобольской губ.), имеет длину 191, ширину в середине лыжи – 20 см (в передней части – 18, в задней – 20,5 см). Толщина лыжи в месте постановки ноги 1,8, у концов лыжи – 0,7 см. Задние концы лыж имеют фигурное завершение. Четыре вертикальных отверстия в месте подножия служат для закрепления деревянных дужек, к которым привязывается ремень крепления⁵⁷. Вполне очевидно, что подобный тип лыж – промежуточный между лыжами типологических групп А и Б, поскольку деревянные дужки просто имитируют борта-закраины, при этом используется более привычный в данной местности прием изготовления креплений.

Так выглядят этнографические материалы по основным типологическим чертам лыж русских. Какие выводы могут быть сделаны из всего сказанного? Первый из них касается поставленного выше вопроса о характерных чертах лыж русских и связанной с ним проблемы традиционности их в разные эпохи. И здесь мы сразу должны признать категоричность высказанного ранее О.В. Овсянниковым и В.Ф. Старковым предположения о сохранении основных типологических черт лыж на протяжении всего периода средневековья⁵⁸. Несмотря на существование определенных традиций в изготовлении лыж русскими на протяжении длительного времени, именно в эпоху средневековья «лыжная культура» русских значительно видоизменяется, обогащаясь целым рядом серьезнейших нововведений. Доказательством существования устойчивых традиций служит тот факт, что древнерусское население пользовалось долгое время только одной типологической группой лыж – лыжами с горизонтальными пазами для креплений (группа А). Особенно поразительны сходства, отмечающиеся в восточноевропейских материалах по лыжам с выдолбленными подножиями, разделенных шестью-семью веками.

Аргумент в пользу серьезных трансформаций лыж – свидетельства того, что при

расширении территории Русского государства на северо-восток Европы, в Сибирь «лыжная культура» русских значительно изменилась. С одной стороны, она была дополнена новой типологической группой (Б) – с вертикальными пазами для креплений, с другой – значительно видоизменила ряд своих типов лыж (к примеру, появились лыжи с расширяющимися кверху ступательными площадками), а также с «выдолбленными» подножиями, имевшими вертикальные пазы для креплений. Все это – результат контактов русских с соседними народами.

Последний тезис также расходится с мнением О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова, которые полагают, что лыжи с расширяющимися кверху подножиями принесли в Сибирь русские, ссылаясь на то, что многие их конструктивные черты «уже прослеживаются на лыжах Ст. Ладого, а затем и новгородских и мангазейских»⁵⁹. Однако с этим трудно согласиться. Несмотря на то что восточноевропейские материалы относятся к тому же типу, что и сибирские (тип А.2а), конструктивные различия подножий у них очень серьезны: во-первых, у нас нет никаких данных об использовании этого типа лыж русскими в XIX–XX вв.: во-вторых, даже раннесредневековые восточноевропейские лыжи русских были более прогрессивны по сравнению с мангазейскими. Вследствие уменьшения основания ступательных площадок у сибирских лыж они обладали меньшей прочностью соединений с лыжной пластиной. Именно поэтому в Мангазее так часты находки сломанных подножий (а не головок лыж, как в новгородских материалах!), нередко имевших следы ремонта в виде деревянных гвоздей, соединявших подножия и саму лыжу⁶⁰. Маловероятно, чтобы русские промышленники перешли к такой форме подножий самостоятельно. Уменьшение толщины оснований подножий (до 0,2–0,4 см в мангазейских находках) свидетельствует о применении здесь более архаичных технологий, связанных с отсутствием в это время необходимого инструментария, позволяющего производить сверление или долбление через всю толщину полоза. При уменьшении толщины оснований подножий соответственно уменьшалась и длина паза для крепления, что позволяло применять традиционный для Сибири этого времени инструментарий. Для Восточной Европы, которая уже с конца I тыс. н.э. (Старая Ладога) имеет в своем арсенале более совершенные средства и технологии, этот инструментарий был уже архаичен.

Второй высказанный ранее тезис – о приоритете русских в изобретении «скользящих», «беговых», «скоростных» лыж – в принципе решается даже на изобразительных и археологических материалах. Наскальные изображения в Залавруге и Бесовых Следках (район Белого моря), датируемые концом III – началом II тыс. до н.э., в Успала (Швеция, около 1050 г.)⁶¹ свидетельствуют о существовании уже в это время не только непарных, но и парных лыж. Это же подтверждают и массовые находки древних лыж в болотах Скандинавии⁶². Все эти материалы довольно определенно говорят о дославянском происхождении парных беговых лыж.

Единственное, что может как-то смягчить этот вывод, – признание того, что русские действительно очень много сделали для развития скоростных лыж. Это связано с тем, что, как показывают археологические и этнографические материалы, восточноевропейские лыжи в большей степени, чем в других местах, являлись голицами (это относится практически ко всем типам лыж группы А, особенно к типу А.1 – с выдолбленными подножиями), а они обладают лучшими скоростными характеристиками. Даже на Русском Севере, по словам старожилков, подшитые лыжи имелись далеко не у каждого охотника⁶³. Такое предпочтение, отдаваемое лыжам-голицам, может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, ориентацией охотников в Восточной Европе в основном на активные формы охоты, что связано с меньшим значением здесь пушной охоты. «За оленями гоняются на лыжах и нартах (подшитые лыжи. – *М.В.*) иногда по несколько десятков верст, в одних рубашках, сбрасывая верхнее платье, – так описывается охота в Архангельской губ. в середине XIX в., – причем разгорячение доходит до того, что крупный пот катится со всего тела. Ловкий промышленник может уходить в час от 10 до 15 верст»⁶⁴. Во-вторых, климатическими особенностями регионов: для Восточной Европы характерен главным образом более влажный

умеренно-континентальный климат, который способствовал образованию наста, в то время как для Сибири – сухой, резко континентальный, с рыхлым снежным покровом. Вероятно, были и иные причины, о которых мы пока не догадываемся.

Примечания

¹ *Арциховский А.В.* Лыжи на Руси // Тр. Ин-та этнографии. Н.С. Т. 1. М., 1947. С. 55–64; *Рабинович М.Г.* О древней Москве. М., 1964. С. 314; *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия // Свод археологических источников. Е1-55. М., 1968. С. 57–58; *Овсянников О.В.* О средневековых русских лыжах // Краткие сообщ. Ин-та археологии. Вып. 125. М., 1971. С. 35–40; *его же.* Лыжи Северной Руси // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 194–198; *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Сухопутные транспортные средства // *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. II. М., 1981. С. 61–69; *Хорошев А.С.* Средства передвижения // Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997. С. 129.

² *Бахрушин С.В.* снаряжение русских промышленников в Сибири XVII в. // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.:Л., 1951. С. 85–92.

³ *Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П.* Хозяйство и быт бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Матер. комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Л., 1930. С. 59; *Антропова В.В.* Лыжи народов Сибири // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. XIV. М.: Л., 1953. С. 7–32; *Бусыгин Е.П.* Русское население Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры середины XIX – начала XX в. Казань, 1966. С. 386; *Томилов Н.А.* О средствах передвижения русского населения Нижнего Притома // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 135–140; *Лебедева А.А.* Транспорт, переноска и перевозка тяжестей // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 332.

⁴ *Васильев М.И.* Лыжи русских Севера европейской части СССР (в контексте истории лыж Евразии) // Новгород и новгородская земля: история и археология. Тез. науч. конф. Новгород, 1990. С. 91–94.

⁵ *Арциховский А.В.* Указ. раб. С. 55–64.

⁶ *Рабинович М.Г.* Указ. раб. С. 314.

⁷ *Колчин Б.А.* Указ. раб. С. 57.

⁸ *Овсянников О.В.* О средневековых русских лыжах. С. 36.

⁹ *Овсянников О.В.* Лыжи... С. 194–198.

¹⁰ *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. С. 61–62.

¹¹ Там же. С. 68.

¹² *Овсянников О.В.* О средневековых русских лыжах. С. 36–40; *его же.* Лыжи... С. 195–198.

¹³ *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. С. 67.

¹⁴ *Хорошев А.А.* Указ. раб. С. 129.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. Табл. 86.

¹⁷ Архив автора: 1. Полевые материалы автора по сухопутному транспорту русских крестьян Вологодского р-на Новгородской обл. конца XIX – первой трети XX в. (собр.: февраль 1982 г.); 2. Полевые материалы автора по сухопутному транспорту русских Архангельской обл. (Пинежский и Приморский районы) и с. Несь Ненецкого автономного округа конца XIX – первой трети XX в. (собр.: июль 1983 г.); 3. Полевые материалы автора по сухопутному транспорту новгородских крестьян конца XIX – первой трети XX в. (Батецкий, Боровичский, Демянский, Крестецкий, Любьгинский, Маревский, Новгородский, Окуловский, Пестовский, Старорусский, Хвойнинский, Холмский, Чудовский районы) (собр.: 1986–1987, 1992 гг.).

¹⁸ *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. С. 68.

¹⁹ *Wiklund K.B.* Den nordiska skidan, den södra och den arktiska // På skidor. Föreningen för skidlöpnings främjande i sverige årsskrift. Malmö, 1931. P. 5–50.

²⁰ *Zettersten A., Svalm A.* Skidor. Nordisk främiljebok. B. 17. Stockholm, 1932. P. 1089.

²¹ *Антропова В.В.* Указ. раб.; Историко-этнографический атлас Сибири. М.:Л., 1961. С. 79–86.

²² *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. С. 68.

²³ Мы интерпретируем все имеющиеся археологические материалы, типологически сходные с более поздними этнографическими, как парные лыжи, каждая из которых поочередно выступала то как толчковая, то как скользящая (при езде накатом обе становились скользящими). У нас нет ни одной археологической находки, которую можно было бы определить как «толчковую» лыжу, поэтому считаем спорной интерпретацию О.В. Овсянниковым и В.Ф. Старковым одной из старорусских находок как скользящей в непарных лыжах (см.: *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. С. 61–62). Более того, абсолютно все имеющиеся на сегодняшний день материалы (параметры археологических находок, средневековые описания, этнографические материалы) подтверждают употребление русскими исключительно парных лыж.

²⁴ Наличие/отсутствие меховой обшивки является в нашей схеме второстепенным признаком, и поэтому он вынесен за рамки данной работы. Такое отношение связано с несколькими причинами. Во-первых, восточноевропейские средневековые археологические и исторические материалы почти не содержат никаких очевидных свидетельств об обшивке лыж. Единственный экземпляр, на котором имеются следы обшивки, происходит из Старой Ладogi. Однако у нас нет никаких свидетельств в пользу их славянской принадлежности (об этом, напр., см.: *Корзухина Г.Ф.* Этнический состав населения древнейшей Ладogi // Тез. докл. II науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1965. С. 12–14). Следы явной обшивки носит только часть мангазейских материалов. Во-вторых, этнографические аналоги XIX – первой трети XX в., судя по всему, свидетельствуют в пользу отсутствия обшивки на обнаруженных средневековых находках лыж в древнерусских городах.

²⁵ См.: *Колчин Б.А.* Указ. раб. С. 57. Табл. 48, 1–2.

²⁶ См.: *Рабинович М.Г.* Указ. раб. С. 314.

²⁷ Архив автора, 1983 г.

²⁸ *Manninen I.* Fortbewegungs- und Transportmittel // *Kansatieteellinen Arkisto*. № 13. Helsinki, 1957. S. 14.

²⁹ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. М., 1908. Рис. на с. 239.

³⁰ *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. С. 61–62.

³¹ *Колчин Б.А.* Указ. раб. С. 57–58. Табл. 48, 3, 4. В таблице перепутаны номера находок.

³² См.: *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. С. 61–62.

³³ Там же. С. 67.

³⁴ Там же. С. 64. Табл. 55, 1–7.

³⁵ Там же. С. 65–66.

³⁶ Там же. С. 66.

³⁷ Там же. С. 66–67.

³⁸ Там же. С. 66. Табл. 58, 5.

³⁹ *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. В 2 томах. Т. 1. Санкт-Петербург; Петропавловск-Камчатский, 1994. С. 244.

⁴⁰ См., напр.: *Антропова В.В.* Указ. раб. С. 25–26; *Томилов Н.А.* Указ. раб. С. 139–140; *Васильев М.И.* Указ. раб. 1990. С. 91–92.

⁴¹ Толщина лыж из Вологодской губ. (Фонды Российского этнографического музея, далее – РЭМ). № 443-30/1, 2) составляет 2,5 см, что обусловлено специфичностью их конструкции: они имеют четыре пары прямоугольных углублений для постановки копыльев и превращения лыж таким образом в ручную нарту.

⁴² *Васильев М.И.* Сухопутные средства передвижения русских Севера Европейской России. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 26–27.

⁴³ Подшитые лыжи из фондов РЭМ. № 770-46/1, 2 (Вологодская губ., Сольвычегодский у., д. Черевково) имеют длину 125 см при ширине 14,5 см.

⁴⁴ Фонды РЭМ. Архангельского областного краеведческого музея (далее – АОКМ). Архангельского музея деревянного зодчества «Малые Корелы» (далее – АМДЗ); архив автора 1982, 1983, 1986–1987, 1992 гг.

⁴⁵ Иногда это могло происходить из-за грубой работы мастера.

⁴⁶ Фонды РЭМ. № 2137 «Д»; фонды АОКМ. № 11599, 4120.

⁴⁷ Фонды РЭМ. № 2137 «Д»; архив автора 1982, 1983 гг.

⁴⁸ Фонды РЭМ. № 2139 «Д».

⁴⁹ Иногда встречались лыжи, имевшие на полозе специальные площадки-утолщения, в которых были сделаны углубления для копыльев (их носили в заплочных мешках). Такие лыжи-нарты с двумя парами копыльев иногда применялись на восточном побережье оз. Ильмень (архив автора, 1982 г.).

⁵⁰ Фонды РЭМ. № 2137 «Д», фонды АОКМ. № 4120.

⁵¹ Фонды РЭМ. № 550-2/1, 2; фонды АОКМ. № 4120.

⁵² Фонды РЭМ. № 2137 «Д».

⁵³ Фонды РЭМ. № 2137 «Д»; фонды АОКМ. № 11599.

⁵⁴ Фонды РЭМ. № 2138 «Д»; фонды Мезенского районного краеведческого музея, б/н.

⁵⁵ Фонды РЭМ. № 770-46/1-2; архив автора, 1983.

⁵⁶ Фонды РЭМ. № 550-1/3–4; фонды АОКМ. № 4119; архив автора, 1983.

⁵⁷ Фонды РЭМ. № 9-68/2.

⁵⁸ См.: *Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Указ. раб. С. 67.

⁵⁹ Там же. С. 68.

⁶⁰ Там же. Табл. 55, 1–7.

⁶¹ См.: *Арциховский А.В.* Указ. раб. С. 57.

⁶² См., напр.: *Berg G., Lundqvist G., Zettersten A., Granlund E.* Finds of skis from prehistoric time in Swedish bogs and marshes. Stockholm, 1950; *Manninen I.* Op. cit.; *Клапк Дж.Г.Д.* Доисторическая Европа. Экономическая

ческий очерк. М., 1953. С. 295–297; *Валонен Н.* Ранние лопарско-финские контакты. Из этнической истории финских племен // Финно-угорский сборник. Антропология. Археология. Этнография. М., 1982. С. 66–74.

⁶³ Архив автора, 1982, 1983, 1986–1987 гг.

⁶⁴ Взгляд на промыслы, производимые посредством огнестрельного оружия в Архангельской губернии // *Сын отечества*. Кн. VI. СПб., 1852. С. 14.

M.I. Vasil'yev. Russian skis: history of development

In his present work the author draws on extensive ethnographical sources (i.e. publications of the 18th – first quarter of the 20th centuries) and describes major trends in the historical development of Russian skis. The article cites characteristic types of skis among the Russians, and dealing with the question of ascribing priority to the Russians in the invention of sliding, running, fast skis comes to the conclusion on the basis of archaeological and graphic materials that paired running skis are of a pre-Slavic origin.

© 2001 г., ЭО, № 2

Б.Х. Бгажноков

КУЛЬТ ПИЩИ И ПИЩЕВОЙ АНИМАТИЗМ

В основу настоящей статьи легли материалы по традиционной культуре адыгов. В целом наши данные аналогичны сведениям о традициях других народов и потому можно говорить об определенной логике процессов и форм, так или иначе связанных с исследуемым элементом или комплексом культуры.

Прежде всего нужно отметить, что пища – ценность особого свойства, занимающая одно из центральных мест в системе других ценностей. Знаменателен сам факт естественной, постоянной и совершенно необходимой связи жизнедеятельности людей с питанием и отсюда – печать каждодневной заботы о приобретении, хранении и потреблении съестного, которая лежит на истории культуры всего человечества. Однако пища поддерживает не только физические, но также в известной мере и духовные силы. Ощущение, что посредством питания мы приобретаем к силе, красоте и могуществу природы, знакомо практически каждому человеку. И это в известном смысле поэтическое переживание, близкое к религиозному, создающее, кроме того, дополнительные условия для вовлечения пищи в процессы социального взаимодействия и общения. Хорошо известно, что в этих процессах она выполняет важные ориентирующие функции, обязывая людей мыслить и действовать определенным, прежде всего нравственно аргументированным, образом. Например, в среде адыгов люди часто отказываются навредить какому-либо человеку, объясняя это тем, что когда-то вкусили с ним хлеб-соль: совместная трапеза скрепляет отношения взаимными обязательствами доброты и участия. Легко понять, почему всякая просьба становится особенно убедительной, если ее сопровождают фразами типа: Шыгъу-пIастэу зэдэтшхам ихьэтыркIэ къысхуэщIэ («Сделай это ради хлеба-соли, который мы с тобой вкусили»). На такие просьбы трудно, почти невозможно ответить отказом.

Примеры такого рода свидетельствуют о том, что пища становится символом определенных нравственных уз и обязательств, культурных норм и ограничений. Больше того, с одухотворением съестного и с так называемым «общением» пищи связано во многом происхождение и развитие общества¹. Культ пищи является симптомом пробудившегося дискурсивного сознания, знаменующим развитие достаточно сложных форм социальности и этической рационализации мира. Он утверждает оптимальное, можно сказать благоговейное, отношение к природе, поставляющей источники